

ИНТЕРВЬЮ ЗАМЕСТИТЕЛЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ К. И. КОСАЧЕВА ЖУРНАЛУ «ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ СЛУЖБА»

Вопрос: *Уважаемый Константин Иосифович, прежде всего разрешите попросить Вас рассказать читателям нашего журнала о том, как Вы стали дипломатом, как протекала Ваша дипломатическая служба.*

Ответ: Мне повезло родиться в семье дипломата. Повезло в том смысле, что изначально мой выбор был обусловлен идти по стопам отца, но затем к «семейной теме» добавилась и искренняя любовь к профессии, которая оказалась мне интересной и стала для меня делом всей жизни. Как и отец, я скандинавист, профессионально владею, кроме английского, ещё и шведским языком, который дал мне возможность поработать, причем дважды, в нашем посольстве в Швеции даже переводчиком высшего уровня, в ту пору — с президентом СССР М. С. Горбачёвым в ходе его ви-

зита в ту же Швецию (в качестве Нобелевского лауреата) в далеком 1991 г.

Был советником и спичрайтером двух министров иностранных дел — Козырева и Примакова, правда, очень короткое время. В 36 лет «дорос» до уровня заместителя директора Департамента МИД, что по тем временам было неплохим карьерным достижением.

Но потом карьера, а скорее и вся жизнь стала развиваться совсем другим путём...

Вопрос: *Что побудило Вас перейти с дипломатической службы на госслужбу и в парламент?*

Ответ: Мой уход из МИДа сначала в аппарат Правительства (довелось поработать помощником по международным вопросам у четырёх российских премьер-министров подряд),

а затем и в политику, в российский парламент, никоим образом не означал, что мне пришлось оставить дипломатию. Да, служба была в других коридорах власти, но от этого она не менялась по содержанию. Это всегда была международная сфера, и в этом смысле мне повезло увидеть «изнутри» как делается дипломатия — сначала из профессиональных кабинетов МИДа, затем из правительственных структур и на нынешнем этапе — глазами парламентария. И везде мне помогала потрясающая МИДовская школа, наше профессиональное братство, без которого было бы просто невозможно обойтись.

Вопрос: *Если я не ошибаюсь, с 2012 по 2014 г. Вы являлись руководителем Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству. Что Вы можете сказать о роли и месте агентства в проведении публичной дипломатии?*

Ответ: Да, действительно, в указанное время я возглавлял Федеральное агентство Россотрудничество, основная миссия которого — продвигать гуманитарное влияние России за рубежом. Но это общая формулировка, а на практике речь идет о нескольких направлениях: сотрудничество в сфере культуры, науки и образования, молодежные обмены, русский язык, и, конечно же, связь с нашими соотечественниками за рубежом и их организациями. Ключевой инструмент и главная точка опоры в этой деятельности — российские центры науки и культуры за рубежом, которые являются подразделениями Россотрудничества в других странах.

Как видите, объем и охват очень широкий, но когда я непосредственно стал вникать в реалии агентства, то уже скоро выяснилось, что льви-

ная доля (более 90%) финансирования уходила на содержание зарубежных центров (причем не хватало даже на ремонт многих зданий, хотя некоторые нуждались в срочном обновлении внешнего вида и оборудования, ведь это, по сути, лицо нашего гуманитарного присутствия за рубежом), а также на зарплаты — а в центральном аппарате они были ниже средних по Москве. Тем не менее, многого удалось добиться, инициировать разработку стратегических документов в сфере продвижения отечественной «мягкой силы», а также начать освоение принципиально новых направлений.

В частности, мы принципиально поставили вопрос о том, что наша помощь другим странам (а она весьма существенна, особенно если учитывать списание долгов, льготные экономические проекты и торговые тарифы и т.п.) должна также работать на имидж страны, а не выглядеть безликой и восприниматься населением других стран как нечто само собой разумеющееся. Итогом нашей настойчивости на этом направлении стала Концепция государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 20 апреля 2014 г. № 259.

Понятно, что это уже масштаб деятельности не только одного Федерального агентства, а сразу нескольких министерств и ведомств, и потому здесь и сейчас есть немало резервов для усиления имиджевой составляющей нашей поддержки других стран. Но для меня важно, что, как говорится, процесс пошел и работа на этом направлении продолжается на самом высоком уровне.

Знаю, что нынешнее руководство Россотрудничества во многом сталкивается с теми же проблемами, что и мы в свое время, и стараюсь

по мере возможностей поддерживать главу агентства Е. Примакова и его коллег уже со стороны Совета Федерации. И, кстати, обратил бы внимание, что в верхней палате сейчас присутствуют сразу три бывших руководителя этого ведомства — помимо меня это сенаторы Ф. М. Мухаметшин и Л. Н. Глебова, что, полагаю, делает наш взгляд на проблемы и задачи агентства и компетентным и, я бы сказал, неравнодушным.

Вопрос: *Как Вы оцениваете нынешнюю международную обстановку?*

Ответ: Если попытаться охарактеризовать текущую международную обстановку одной фразой, то я бы описал ее как попытку реванша однополярного мира. Возможно, последнюю попытку. Которая, будучи удачной, отбросит мир на десятки лет назад, в эпоху безраздельного господства Запада и его структур.

Именно поэтому США и их союзники так настойчиво насаждают некий «порядок, основанный на правилах». Причем на правилах, которые устанавливает сам Запад, требуя их соблюдения от всего остального мира, судя, карая, «назначая» правых

и виноватых, экстерриториально используя внутреннее право, пытаясь подчинить своим интересам международные организации либо же игнорировать их, если не удастся их использовать, а также подменять при разрешении международных проблем универсальные структуры блоковыми.

Полагаю, многих дезориентирует тот факт, что страны Запада называют отстаиваемый ими миропорядок либеральным. Однако однозначное и жесткое доминирование либеральных по идеологии стран вовсе не означает, что сама такая система является либеральной. Напротив, когда подобная схема управления реализуется в национальных масштабах, с единственным центром принятия решений и отказом от учета интересов нелояльных центру сил, на Западе ее решительно осуждают как авторитарную. Однако в мировом масштабе, по сути, предлагается именно такая авторитарная модель с либеральными странами в роли единоличных мировых правителей.

Россию, как и ряд других стран (Китай, Иран и др.), обвиняют в «ревизионизме», в попытках изменить

«порядок, основанный на правилах». Однако на самом деле именно этот односторонне ориентированный порядок и является ревизионистским по отношению к *порядку, основанному на праве*, на решающей роли универсальных, инклюзивных организаций, на единообразно толкуемых нормах, а не на принципе «Своим — все, остальным — закон».

На Западе пытаются трактовать ситуацию как противостояние демократии и авторитаризма. Это фактически новое прочтение советской теории классовой борьбы, которую в свое время переносили на международную систему, оправдывая тем самым активную поддержку различных зарубежных сил, ориентированных на СССР.

Однако на самом деле за этой формулой скрывается попытка скрыть геополитическую подоплеку происходящего, когда Запад под видом распространения демократических ценностей на деле продвигает свои экономические и политические интересы, стремится сохранить свои преимущества в распределении мировых ресурсов, подкрепляя это усилиями по военно-политическому доминированию практически во всех регионах мира.

Когда мы указываем на приближение к нашим границам военной инфраструктуры НАТО, называющей Россию своим потенциальным противником, когда мы говорим о недопустимости вмешательства во внутренние дела наших соседей, о поощрении антироссийских сил практически по всему периметру нашей страны, нам заявляют, что мы, мол, боимся «приближения демократии» к нашим границам. Правда, почему-то это «приближение демократии» постоянно сопровождается массовыми нарушениями прав русского населения и грубым подавлением любых непрозападных сил, запретами СМИ,

распространяющих альтернативные точки зрения и т. п.

Но это ничуть не смущает тех, кто говорит о некоем «всемирном противостоянии демократии и авторитаризма». Напротив: новая администрация США уже фактически готовит новый «крестовый поход» под знаменами демократии. Скорее всего, это будет означать на практике прямо противоположное — от прямых внешних интервенций в суверенные страны до массового нарушения прав людей по идеологическим и национальным признакам.

Вопрос: *В интервью «Российской газете» в конце 2019 г. под названием «Россия меняет мир. Константин Косачёв о 20-летию внешней политики Владимира Путина» Вы дали следующую периодизацию внешней политики нашего государства: «Задача первых лет — восстановление суверенной великой державы, затем укрепление международных позиций, и, наконец, переход к инициативной внешней политике». Не могли бы Вы более детально охарактеризовать последний этап?*

Ответ: Я действительно говорил в том интервью о том, что новое тысячелетие стало символом перехода России к инициативной политике на международной арене. И это связано не только с персоналиями во главе российской внешней политики, но и с объективной ситуацией в целом.

Условно разделил бы российскую внешнюю политику на три этапа. Первый, который можно назвать этапом политики Ельцина–Козырева — этап слабой России, с зависимой, вынужденно следующей интересам других стран внешней политикой.

Второй этап — этап Ельцина–Примакова. Россия все еще слаба с точки зрения ее экономического и военного потенциалов, но уже стремится

проводить самостоятельную и независимую внешнюю политику. Кульминацией этого этапа, его своеобразным символом, стал знаменитый разворот самолета Е. М. Примакова над Атлантикой. Хорошо помню этот момент, поскольку сам был в том самолете и воочию имел возможность наблюдать, как рождалось это решение, как, можно сказать, российская политика входила в пору некой зрелости.

Не потому, что кому-то — Ельцину или Примакову — захотелось показать «кузькину мать» Америке: это важно понимать. Но просто объективные условия — канун агрессии НАТО против Югославии — фактически не оставили выбора России. Ибо одобрить, принять, согласиться с этим варварским актом и первой агрессией в Европе после Второй мировой войны значило бы окончательно расписаться в собственном бессилии и статусе второстепенной державы. Мы не смогли это предотвратить, но мы назвали вещи своими именами. И этого нам не простили до сих пор.

После этого пришло время третьего этапа в начале нулевых, этапа политики В. В. Путина. Это уже политика сильной и независимой России, опирающейся на другие возможности, отличные от тех, которые использовались в советское время.

Но обратил бы внимание на мысль, которую я высказал в декабре 2019-го и готов подтвердить сейчас: переход к активной, инициативной линии не был связан с эволюцией взглядов самого Путина на какие-то цели и принципы самой российской внешней политики, как это иногда интерпретируют. Он не пришел от «Европы» к «Азии», от «демократии» к «национализму» во внешней политике. Изменились внешние условия, что подтвердила та же показательная расправа Запада над независимой Югославией. И именно внешние условия

диктовали ту логику, которую пришлось осознать примерно к концу нулевых: слабых не слушают. В. В. Путин охарактеризовал эту трансформацию в Послании Федеральному Собранию в 2018 г.: «Нас никто не слушал. С нами никто по существу не хотел разговаривать. Послушайте сейчас».

Реакцию на российскую инициативную политику мы уже видим: многим она не по нраву. Всем тем, кто не привык считаться с чужими интересами при реализации собственных целей в мире. Поэтому вводят так называемые санкции. Хотя сам термин применительно к тому экономическому и политическому шантажу, который Запад применяет в отношении России, явно не корректен.

Но, кстати, это тоже показатель действенности нашей политики. Ведь тех, кто не в состоянии заявить и отстаивать свои национальные интересы, попросту игнорируют. Видимо, у нас кое-что получается, раз наша активность раздражает страны и силы, целью которых является «сдерживание России». Сдерживание не ее мнимой экспансии — ведь это не мы приближаемся к границам НАТО, как всерьез говорили некоторые западные политики, а альянс продвинулся на 1000 километров на Восток с окончания холодной войны. И явно не собирается останавливаться, как показали события в Украине, Грузии, Молдавии, Белоруссии...

Но под сдерживанием России понимают *сдерживание ее развития* как суверенного государства. Цель западных стран, которую уже не особо скрывают, добиться такой ситуации, чтобы любой прогресс других государств находился в прямой зависимости от степени их лояльности Западу. Такой своего рода делегированный суверенитет: вы будете развиваться настолько, насколько это позволим мы, и насколько вы следуете нашей линии в международных делах.

Это важный момент, ведь на словах говорят о важности ценностного, «европейского» выбора, о неких реформах внутри страны. А на самом деле речь идет, прежде всего, о внешней политике. Если она «правильная», то вам простят и многие отхождения от либеральных ценностей внутри страны, как мы это видим в странах Балтии, а теперь и в Украине. По сути, *атлантический* выбор для Запада важнее *европейского*, и это нужно учитывать.

Если мы не хотим такого развития на пространстве наших жизненных интересов, мы просто обязаны проводить инициативную внешнюю политику на всех уровнях. Что мы и делаем в этом тысячелетии.

Вопрос: *Чего, на Ваш взгляд, не хватает российской внешней политике чтобы уважали наши национальные интересы?*

Ответ: Есть немало объективных факторов, препятствующих эффективному продвижению наших интересов за рубежом так, как мы все в идеале этого бы хотели. Это, в частности, ограниченность наших экономических ресурсов. Это и активное противодействие России на международной арене, причем порой откровенно грязными способами, как это происходит, например, с проектом «Северный поток — 2». Его всеми силами стараются заблокировать под лозунгами защиты энергетической независимости Европы, хотя на самом деле за этим стоят вполне прагматичные интересы тех, кто хочет продавать свой СПГ на европейском рынке или же сохранить доходы от транзита российского газа через свою территорию.

Тем веселее все те успехи, которых нам удастся достигнуть в международных делах. Ибо они получены именно за счет эффективности самой дипломатии, а не потому, что мы кого-

то «купили» или вынудили. Неслучайно Д. Трамп в свою бытность президентом США вполне откровенно заявлял о том, что Америка должна пересмотреть свою экономическую помощь другим странам, если они «неправильно» голосуют в ООН. Вот такое «идейное союзничество»...

Россия же смогла добиться впечатляющих результатов, например усадить за один переговорный стол по сирийскому урегулированию таких трудных партнеров, как Иран и Турция, или же внести решающий вклад в урегулирование Нагорно-Карабахского конфликта, благодаря своему авторитету как эффективного и непредвзятого игрока, который заинтересован не в победе «своих», а в долгосрочном урегулировании конфликтов и иных проблем.

Но я бы назвал еще один важный аспект, в котором хотелось бы увидеть определенный прогресс в качестве важного ресурса для нашей внешней политики. Я имею в виду общественную поддержку наших действий на международной арене. Мы часто видим, что в других странах внешнеполитические акции не остаются исключительно на официальном уровне, но имеют серьезное общественное сопровождение, которое сегодня играет важную роль не только на национальном уровне.

Между тем, в России зачастую даже при наличии общественного консенсуса по международным вопросам, нередко голос общества, НКО, блогосферы далеко не всегда слышен достаточно громко. А ведь сегодня это ресурс и самих граждан влиять на происходящее в мире, на продвижение российских интересов вовне. Поэтому иногда мы видим, как гражданские общества других стран активно мобилируются на антироссийские акции, а в ответ столь же сплоченной реакции россиян не видно. Гражданская позиция — это не только критика вла-

сти, но это еще и солидарность в отстаивании наших общих интересов.

Вопрос: *Какой Вы видите роль парламентской дипломатии в разрешении нынешних глобальных вызовов и угроз?*

Ответ: Парламентская дипломатия — важный и, на мой взгляд, не в полной мере реализованный ресурс международной политики, который мог бы существенно способствовать разрешению многих острых проблем в мире, поскольку он имеет более гибкий и менее формальный характер по сравнению с официальной дипломатией.

Отечественная парламентская дипломатия только за последние годы может записать себе в актив немало весомых достижений. В частности, именно наша инициатива легла в основу предложения Межпарламентской ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств об учреждении Международного дня парламентаризма 30 июня. Теперь парламентарии всего мира имеют такой праздник в соответствии с принятой 22 мая 2018 г. резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН (A/Res/72/278).

Отмечу также, что эта же резолюция говорит о проведении Всемирной конференции по межрелигиозному и межэтническому диалогу, и сегодня эта идея обретает реальные черты: уже принято решение о проведении такой конференции в нашей стране в мае следующего года.

Серьезной помехой развитию межпарламентского взаимодействия становится, во-первых, позиция некоторых стран, которые в критических ситуациях, когда диалог особенно важен, почему-то считают разумным наоборот оборвать все контакты. Так поступили, например, в Конгрессе США, когда там в свое время сменилось руководство внешнеполитического

комитета, и после многих лет вполне плодотворного сотрудничества все контакты с Федеральным Собранием РФ были буквально обнулены. Считаю, что это грубейшее нарушение воли избирателей, которые ожидают от своих парламентариев не демаршей, а продуктивной работы на внешнем контуре.

Не менее показательным нарушением прав избирателей являются и санкции против парламентариев, поскольку члены парламентов являются не госчиновниками, а действуют от имени тех, кто отдал им свои голоса. Тем самым, персональные санкции против депутатов и сенаторов — глубоко антидемократический акт, и мы активно выступаем на различных международных площадках с инициативами об осуждении такой порочной практики.

Вопрос: *Вы, как никакой другой государственный и общественный деятель нашей страны, включены в самые разные санкционные списки физических лиц, принятых в США, Канаде и Украине. Как Вы относитесь к такой, с позволения сказать, «славе»?*

Ответ: Соответствующее отношение у меня и к факту включения меня лично — как российского парламентария — в «черные списки» других стран, в частности в санкционный список Минфина США, где мое имя значится с 6 апреля 2018 г. в части, относящейся к российско-украинским отношениям (Ukraine-/Russia-related Designations and Identification). Американская сторона докатилась и до того, что отказала в выдаче визы мне и некоторым другим российским парламентариям, что не позволило нам принять участие в мероприятиях ООН на территории США. Это уже грубейшее пренебрежение Вашингтоном своими правами как страны, где находится международная организация.

А еще я вижу в таких ограничениях на общение с российскими парламентариями — в том числе со мной лично — откровенный страх западников вести прямой разговор с нами. Потому что одно дело выступать в формате «мегафонной дипломатии» или рассказывать своей аудитории, что России, мол, нечего ответить Западу на его потоки обвинений в наш адрес. И совсем другое — выслушать наши аргументы и попытаться им что-то противопоставить не на уровне «хай-ли лайкли».

Уверен, что санкции — это признак слабости и провала внешней политики, а не дипломатическое наступление и показатель уверенности в своих силах. К запретам прибегают тогда, когда нечего возразить по существу.

Вопрос: *Что бы Вы сказали в качестве напутствия будущим дипломатам, обучающимся в Дипломатической академии МИД России, МГИМО (У) МИД РФ и в других российских вузах, готовящих международных?*

Ответ: Мои пожелания будущим дипломатам достаточно лаконичны и традиционны: быть достойными нашей уникальной дипломатической школы и понимать, что дипломатия — это альтернатива войне. О которой сегодня опять заговорили вполне громко.

Да, здесь много спекулятивного и конъюнктурного, ставки поднимаются сознательно, чтобы оппонент «моргнул» первым. Но, как говорили про Первую мировую войну, державы на определенном этапе шли к ней как сомнамбулы, фактически утратив способность влиять на ход событий и предотвратить худший сценарий.

Именно такой инерции нужно избежать любой ценой, и для этого нужны активные, компетентные и патристически настроенные дипломаты, каких в нашей истории в нужный момент оказывалось всегда немало.

И еще один важный пункт. Сегодня серьезным признанием заслуг и авторитета наших дипломатов стало их активное задействование вне сферы собственно самой дипломатии. На примере Совета Федерации нынешнего состава это особенно видно: помимо того, что палату возглавляет Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации В.И. Матвиенко, человек с большим практическим опытом работы в дипломатии, среди сенаторов сразу несколько известных российских дипломатов — бывших заместителей министра, послов и других мидовцев.

Это показатель, что дипслужба — не просто школа профессионального мастерства, но еще и опыт реального служения Отечеству, который будет востребован и в других сферах.